

О Халкиде (Χαλκιδικός)

Что занимало Деметрия Фалерского в связи с эвбейским городом Халкида, можно – с той или иной мерой приближения - предполагать.

Первую возможную посылку допустить легко, ибо она лежит на поверхности. Сочинение Деметрия о Халкиде могло относиться к тем описаниям политического устройства 158 греческих городов, которые составлялись в Ликее под началом Аристотеля его «учениками», но в какой-то момент утратило в названии слово «полития».

Кроме того, нам известно, что Деметрия интересовала история ионян, о которых он написал отдельное сочинение. Ионяне в свое время, помимо Аттики и ряда островов Эгейского моря, занимали и часть Эвбеи, где они были известны как абанты. Причем именно ту часть, где находилась Халкида, на севере и юге острова с ними соседствовали фессалийские племена и дриопы соответственно.

Еще любопытно и то, что в Халкиду из Афин, согласно схолиям к «Аргонавтике» Аполлония Родосского¹, бежал аргонавт Фалер, в честь которого были названы родной для Деметрия Фалерского дем и гавань в Аттике, до Пирея бывшая главными морскими воротами в город.

Но попробуем предложить менее очевидную версию.

Тогда Эвбея была фактически тетраполисом. Северной оконечности острова (с Гестизей/Ореем) противолежало побережье Локриды, южной (с Каристом) - Аттики, а средней части, где через протяженную плодородную Лелантскую долину соседствовали друг с другом Халкида и Эретрия, – Беотия с Энофитами и Оропом.

Эвбея всегда входила в сферу афинских интересов.

Во-первых, в силу близости к Аттике. От Афин до переправы на остров через пролив Эврипос в его самом узком (меньше сотни метров) месте всего полсотни километров. Самым первым запроливным городом на этой дороге была именно Халкида. Стратегическую важность и удобство Эвбеи в разное время учитывали противники афинян. Это и персы во времена Марафона. И спартанцы, которые во времена Пелопоннесской войны захватом Декелеи перерезали афинянам дорогу на остров. И македоняне Филиппа II - их вторжения сюда в 343/2 году до н.э. дали повод Демосфену к его третьей (пожалуй, самой страстной и убедительной) и четвертой «Филиппикам». И даже Деметрий Полиоркет во времена, когда Афины уже не представляли серьезной политической силы. После Херо-

---

¹ Scholia on Apollonius Rhodius, Argonautica, 1. 97.

неи Филипп II, пообещав афинянам вернуть Ороп со святилищем Амфиарая, отошедший фиванцам со времен еще Эпаминонда, прекрасно отдавал себе отчет в том, что лучшего способа примирить их с поражением не найти. При этом напротив Халкиды был размещен сильный македонский гарнизон. Тот факт, что за несколько лет до этого переворот на Эвбее в пользу афинян начался с их союза с халкидянами, не мог остаться без внимания Филиппа. Тогда в результате вооруженных экспедиций Кефисофона и Фокиона против Орея и Эретрии соответственно Эвбея не только вернулась под афинский контроль, но и образовала некую антимакедонскую лигу – само собой, под главенством Халкиды.

Во-вторых, в силу экономических соображений. Эвбея (причем именно Халкида, название которой произошло от «содержащая медь», «меденосная жила») в античности была одним из главных источников меди для Афин – наряду с Лаврионом. Но это не всё. В отличие от преимущественно гористой Аттики, условия которой мало благоприятствовали растениеводству, Эвбея имела в целом более плоский рельеф. И, естественно, гораздо более обширные площади под главными пищевыми культурами. Наряду с Понтом и Египтом она являлась главным поставщиком продовольствия для Аттики, только более близким, поддающимся контролю и оттого гораздо более устойчивым. Важность эвбейских поставок для афинян подтверждается Фукидидом: *«после блокады Аттики Эвбея была для них всем»*²; из Эвбеи они *«извлекали больше выгод, чем из самой Аттики»*³. Фукидид подробно описывал трудности, которые испытывали Афины после захвата спартанцами в 413 году до н.э. Декелеи, стоявшей на эвбейской дороге перед Оропом⁴. К тому же в те времена суда с Понта, направлявшиеся в Аттику, проходили Эвбейский пролив и разгружались в гавани Оропа напротив Эретрии. А запасной дороги, альтернативной эвбейской, у афинян не нашлось. Именно Декелейская война завершила крушение Афин в противоборстве со Спартой.

Однако, по нашим ощущениям, вряд ли все эти перипетии событийной истории Пелопоннесской войны послужили главным поводом для живейшего интереса Деметрия к Халкиде. Логичнее предположить, что его вызвала история утверждения афинянами контроля над островом в предыдущем столетии.

Около 380 года, когда её особенности и промежуточные итоги были уже понятны, Исократ опубликовал свой знаменитый «Панегирик». В этой речи, прославляющей Афины, нашлось место словам про соседний с Аттикой остров: *«вблизи Аттики находится Эвбея, положение которой очень удобно для морской державы. И расположением и другими преимуществами она превосходит остальные острова; мы имели возмож-*

---

² Фукидид. История, VIII, 95, 2

³ Там же, VIII, 96, 2

⁴ Там же, VII, 18-20, 27-28.

ность установить там власть более сильную, чем даже в нашей стране. Кроме того, мы знали, что и у эллинов, и у варваров особенно славятся те, кто, изгнав своих соседей, создал у себя жизнь, полную изобилия и покоя. Тем не менее ни одно из этих соображений не заставило нас применить насилие к жителям острова»⁵.

Действительная история отношения Афин и Эвбеи представляет полную противоположность нарисованной знаменитым афинским оратором картине.

Сминусуем аттическую сторожевую крепость Рамнунт напротив на материке, устроив локальные укрепленные форты на Эвбее (по крайней мере мы можем упомянуть в этой связи Эретрию) и захват в 431 году до н.э. островка Аталанта в проливе напротив локридского Опунта для нейтрализации местных каперов и пиратов. То есть сугубо вооруженные мероприятия. В остальном эта история представляла собой хрестоматийный образец колониционной экспансии Афин, ярчайшую иллюстрацию ее особенностей. Можно допустить, что внимание Деметрия Фалерского больше остального занимала тема выведения Афинами на завоевываемые земли своих клерухий – некоего гибридного сочетания сельскохозяйственной общины и военизированного поселения с функциями и полномочиями отдаленного гарнизона. В следующей главе, касаясь внутриегипетских клерухий при Птолемеях I Сотере, мы обоснуем это соображение. Но маловероятно, чтобы строгая типология афинских поселений на Эвбее, которой придерживался, например, Фукидид в своем главном труде, имела для Деметрия определяющий смысл. Поселения афинян на временно присоединенных территориях, будь то эпойки, апойки того или иного вида или собственно клерухии, различались друг от друга схемами управления и гражданским статусом поселенцев. Сильно упрощая – первым и вторым предоставлялось местное гражданство и земельные наделы в собственность, клерухи же продолжали оставаться афинянами и потому землю получали во временное пользование. В условиях единого централизованного государства, каким был птолемеявский Египет, эти различия стирались, теряли существенную значимость. Как вряд ли имела её летопись более ранней эвбейской колонизации – ряда эгейских островов (Скиатос, Скопелос, Икос), Халкидиков (с Олифмом), южной Италии (Питекусы, Кумы, Регий, сицилийские Наксос, а через него Катания и Леонтины). Или переход Афин при Солоне на эвбейский стандарт с эгинского. Хотя, как нам представляется, реформа денежного обращения в Египте при первом Лагиде вряд ли обошлась без самого деятельного участия Деметрия Фалерского.

В событийном плане отношения Афин и Халкиды, как и всей Эвбеи, начались, вероятно, в самый канун пятого века, еще при Клизфене (а это примерно 507/6 год до н.э.) – примерно тогда же, когда афинянам удалось отвоевать Саламин у мегарцев.

---

⁵ Исократ. Панегирик, IV, 108.

В силу своей географии Халкида была ключом от всей Эвбеи. Афиняне не простили ей союза с Лакедемоном и Фивами. По свидетельству Геродота: *«Еще в тот же самый день афиняне переправились на Евбею, напали на халкидян и также одолели их. После победы они оставили 4000 клерухов-поселенцев на земле гиппоботов (гиппоботами назывались халкидские богачи). Пленных халкидян вместе с беотийскими пленниками афиняне также бросили в оковах в темницу. Через некоторое время пленники, правда, были отпущены за выкуп в 2 мины. Оковы же, которыми они были связаны, афиняне повесили на акрополе»*⁶. Геродота дополняет Элиан (правда, отступая от его сведений в количестве клерухов): *«После победы над халкидянами афиняне разделили принадлежавшую им землю, так называемый Гиппобот, на две тысячи наделов: землю, носящую название Лилант, отвели для святилища Афины, остальную, руководствуясь стелами царской стои, на которых были записаны соответствующие договоры, сдали в аренду, а пленных сковали оковами. Однако все это не могло утишить их гнева против халкидян»*⁷.

Клерухи, очевидно, покинули Халкиду в 490 году до н.э. в связи с вторжением персов Датиса и Артаферна. Первоначально они должны были придти на помощь осажденной (а впоследствии разрушенной Датисом) Эретрии, но в итоге *«переправились в Ороп и спаслись»*⁸.

Не удивительно, что позднее среди присланных союзниками к Артемисию, а затем и Саламину кораблей оказалось 20 халкидских трирем.⁹ Как и то обстоятельство, что Халкида вошла в состав Делосской (на тот момент) симмахии чуть ли не с самого её оформления.

Продолжением афинской экспансии на Эвбею стал Карист, перед Саламином помогавший персам - с ним около 472/1 года до н.э. Афины вошли в прямое вооруженное противоборство. Об этом сообщает нам уже Фукидид: *«Афиняне вели войну против каристян без участия остальных эвбейян и, спустя некоторое время, вступили с ними в мирное соглашение»*¹⁰. Кстати, среди присланных союзниками к Саламину кораблей, разумеется, не было каристийских, только халкидские (20) и эретрийские (7). Какое соглашение заключили Афины с Каристом, в подробностях мы не знаем. Существует предположение о так называемом «отложенном» выводе в Карист афинской клерухии, основанное на факте уменьшения каристийского фороса в союзную казну в 451/0 году до н.э. до

---

⁶ Геродот. История, V, 77.

⁷ Элиан. Пестрые рассказы, VI, 1.

⁸ Геродот. Указ. соч., VI, 101.

⁹ Там же, VIII, 1; VIII, 46, 2. Триремы на самом деле были афинские, но команду на них составляли халкидяне.

¹⁰ Фукидид. Указ. соч., I, 98, 3.

7,5 талантов вместо 12 тремя годами ранее.¹¹ Как известно, клерухи, будучи афинскими гражданами, форосом не облагались.¹² Указанная версия далеко не бесспорна. Хотя бы потому, что со следующего года Карист стал платить обычный регулярный взнос в 5 талантов, а предыдущий повышенный взнос мог просто включать в себя репарации.

Особняком стоит афинская регулярная апойкия под названием Афины Диады на севере Эвбеи. Точное время ее основания неизвестно. Однако «Афины Дийские» упоминал уже Эсхил в несохранившейся сатировой драме «Главк Морской» (или «Понтийский»).

В 446/5 году на Эвбее произошло серьезное восстание отчетливо выраженной антиафинской направленности. Возможно, его подтолкнули, помимо тысячи колонистов Толмида, о которых мы упомянем ниже, декреты Клеарха, устанавливавший монополию Афин на чеканку монеты в рамках симмахии, и Клиния, который ужесточал сбор фороса с союзников. А также не в последнюю очередь – поражение Афин при Коронее годом ранее. Афинян выручила расторопность Перикла – он сумел справиться и с Мегарами, и с угрозой спартанского вторжения в Аттику. *«Тогда афиняне под начальством стратега Перикла снова переправились на Евбею и покорили весь остров; организацию управления на всей Евбее, за исключением Гестиеи, афиняне установили на основании договоров, жителей же Гестиеи выселили и сами заняли их землю»*¹³. Плутарх сообщает больше подробностей: *«Перикл опять обратился против повстанцев и, прибыв на Евбею на пятидесяти кораблях с пятью тысячами гоплитов, привел города к покорности. Из Халкиды он изгнал так называемых «гиппоботов» [hippobótēs], богачей, пользовавшихся особенной славой, жителей Гестиеи заставил всех выселиться из своей области и на место их поселил афинян: так непреклонен был он только к ним за то, что они, захватив афинский корабль, перебили всех бывших на нем людей»*.¹⁴

---

¹¹ См. например, диссертацию О.И. Александровой «Афинская колонизационная практика VI - IV вв. до н.э.». и Benjamin D. Meritt. The Tribute Quota List of 454/3 B.C. – в: *Hesperia: The Journal of the American School of Classical Studies at Athens*, Vol. 41, No. 4 (Oct. - Dec., 1972), p. 415.

¹² Но под них могли использоваться другие системы обложения – вроде эйсфоры, которая, возможно, применялась к эвбейским полисам раньше, чем ее первый прецедент был установлен для самих Афин (427 год до н.э.).

¹³ Фукидид. Указ. соч., I, 114

¹⁴ Плутарх. Перикл, 23. Сохранилось также свидетельство Филохора, переданное схолиастом Аристофана (Schol.Ar., Nub. 213), о том, что результатом экспедиции Перикла на остров были захват Гестиэи, изгнание ее жителей и заключение союзных соглашений с остальными полисами Эвбеи, у которых афиняне тем не менее не погнушались взять заложников из лучших семей. Место коренных гестиэйцев заняли две тысячи пришлых афинян. Правда, по данным Диодора («Историческая библиотека», XII, 22, 2), их в Гестиэю было вдвое меньше: *«В Греции афиняне восстановили контроль над Эвбеей и удалили гестийцев из их города, после чего заселили его своими гражданами. Прибывшие под командованием Перикла поселенцы числом в тысячу, заселили как город, так и его округ»*.

Об общем характере соглашения между Афинами и Халкидой можно отчасти судить по сохранившимся афинским декретам (псефисмам), особенно знаменитой «Халкидской псефисме» IG i³ 40.

Впрочем, полной ясности мы все равно не имеем. Ибо до Перикла афиняне уже присылали на остров свои войска под командованием стратега Толмида. Павсаний, говоря о деяниях Толмида/последнего, утверждал, что *«вернувшись в Афины, он вывел клерухов (поселенцев) из афинян на Эвбею и Наксос»*¹⁵. Ему вторит Диодор: *«Толмид, другой стратег, переправился в Эвбею и разделил ее земли и земли наксосцев среди еще тысячи граждан»*.¹⁶ Это событие он относит к году архонта Лисикрата (а это 453/2 год до н.э.). Вряд ли здесь речь могла идти о Каристе, иначе трудно объяснить годичную хронологическую нестыковку между датами каристийского фороса и экспедиции Толмида.

Присылка клерухов в Халкиду с Эретрией при Толмиде или Перикле частью исследователей считается вполне вероятной. Предположение подкрепляется хотя бы тем обстоятельством, что размеры фороса Эретрии и Халкиды на следующий год после операции Перикла уменьшились до 3 талантов для каждого полиса с 6 и 5 талантов соответственно.

Она могла иметь место не в 446 году до н.э., а 22 годами позже, во время еще одного антиафинского выступления эвбейцев,¹⁷ как полагают, например, Малькольм Ф.МакГрегор¹⁸ и Харолд Б.Мэттингли¹⁹, основываясь на собственной трактовке «Халкидской псефисмы». Их точка зрения встречала возражения – например, со стороны Расселла Мейгса²⁰.

Около 411 года до н.э., когда перевес в Пелопоннесской войне стал окончательно клониться на сторону спартанцев, Халкида, как и другие островные полисы, отложились от Афин.

Позже халкидяне входили (и даже на положении привилегированного члена, пользовавшегося расширенной автономией) в новый морской союз 378/7 года до н.э. под эгидой Афин.²¹ Однако к нашей теме и географии он уже не имел прямого отношения. В учредительном договоре отдельно устанавливался запрет на выведение колоний на территории союзников. Попытки афинян вернуться к прежней практике касались только Лем-

¹⁵ Павсаний. Описание Эллады», I, 27, 5.

¹⁶ Диодор. Историческая библиотека, XI, 88, 3).

¹⁷ Фукидид молчит об этой попытке островитян сбросить бремя афинского ига. Вместо него о мятеже сообщает Филохор.

¹⁸ Malcolm Francis McGregor. The Athenians and their empire, The University of British Columbia Press, 1987.

¹⁹ Harold B. Mattingly. Athenian Finance in the Peloponnesian War. In: Bulletin de correspondance hellénique. Volume 92, livraison 2, 1968. pp. 450-485

²⁰ Russell Meiggs. The Athenian Empire, Clarendon Press, 1987.

²¹ Впрочем, в 371 году до н.э. они его покинули и даже сражались на стороне Фив против спартанцев и их союзников, среди которых тогда были и афиняне, при Мантинее в 362 году до н.э.

носа, Имброса, Скироса, Самоса, Сеста и Потидеи. Но позже все они были пресечены неудачной для них двухлетней Союзнической войной 357-355 годов до н.э. Она же фактически положила конец Второму Афинскому морскому союзу, хотя формальной датой его роспуска считается Коринфский конгресс 338 года до н.э., состоявшийся после Херонеи, на поле которой эвбейцы противостояли Филиппу вместе с афинянами.

Естественно, был упразднен и обременительный для каждого полиса синтаксис (5 талантов) в пользу гегемона союза. Так Эвбея окончательно отпала от Афин.

Позже остров считался морской базой Александра. В Ламийской войне эвбейцы (за исключением Кариста) поддерживали Антипатра.

В годы правления Деметрия в Афинах Эвбея, как и в особенности Халкида была предметом ожесточенной борьбы между Кассандром и Антигоном.

После его низвержения в 307 году до н.э. сюда бежал Динарх. В этом коринфянин следовал примеру других изгнанников из Афин, так или иначе отметившихся в жизни фалерца, - Тимофея и Аристотеля (его мать Фестида вдобавок была родом из Халкиды и даже сохранила право собственности на дом в городе, в котором Аристотель и ушел из жизни). В отличие от них, кончивших свои дни на острове, Динарху на старости лет удалось вернуться в Афины. Однако примечательнее всего здесь то, что своим убежищем все трое выбрали Халкиду, а не другие города.²²

В количественном плане источники по истории афинской колонизации Эвбеи и Халкиды в частности трудно назвать скудными – помимо названных ранее писателей, к ним можно добавить Аристотеля, Аристофана, Корнелия Непота, афинских ораторов Антифонта, Лисия, Андокида, Эсхина и Демосфена, античных (и не только) схолиастов и лексикографов. Беда в том, что сообщаемые ими сведения в своём подавляющем большинстве сохранились в разрозненном или обрывочном виде. Серьезным подспорьем для нас может оказаться довольно обильная эпиграфика, однако её подчас весьма слабая сохранность, сложности перевода обнаруженных надписей затрудняют работу над систематизацией и правильным истолкованием обнаруженных фрагментов. В качестве примера достаточно упомянуть, что только попытки верно интерпретировать строки 52-57 «Халкидской псефисмы» породили множество самых разных версий, но к полной и окончательной определенности нас не привели. О каких ксенах в Халкиде – переселившихся вместе с колонистами либо после них из Афин гражданах и метеках либо же иностранцев из других, союзных Афинам полисов, в нём идёт речь? О каком освобождении (ателии) и от каких видов повинностей и обложения - от метойкиона, литургий или эйсфоры, торго-

---

²² Дополнительно с подачи Страбона отметим для себя еще одно любопытное обстоятельство – *«Стагира, теперь безлюдная, родина Аристотеля; город этот основан халкидцами, так же как и гавань его Капр и одноименный островок»* - Страбон. География, VII, 35.

вых и рыночных сборов, ввозных и вывозных таможенных пошлин? Нам это по-настоящему до сих пор не известно.

Мы даже не можем утвердиться в самом факте существования постперикловской клерухии в Халкиде (как и, допустим, в Гестиэе). Фукидид, современник и очевидец описываемых им событий и по совместительству наш самый главный и авторитетный источник, молчит о ней. В отличие от переживших её на столетия Плутарха, Павсания и Элиана (если на самом деле события, о которых говорится в приведенном выше отрывке из «Пестрых рассказов», правильнее передвинуть на 60 лет вперед). Однако прояснение этой интереснейшей проблемы лежит далеко за пределами стоящей перед нами цели.

Отсутствие в поле нашего зрения еще одного сочинения о Халкиде, принадлежащего перу (точнее, стилосу) оригинального мыслителя, незаурядного философа и историка, которое могло бы стать источником более уверенных знаний об афинской колониационной политике, огорчительно само по себе. Для нас утрата этого документа досадна вдвойне. Конечно, занимаясь подготовкой и организацией птолемеевских клерухий в Египте, Деметрий Фалерский не мог и не должен был пройти мимо прецедентов столь знакомой и близкой ему истории. В каком виде на египетской почве преломился давний афинский опыт, какими после него оказались особенности административного управления, контроля, судопроизводства и фиска, а также финансирования и жизнеобеспечения поселений окрестьяниваемых наёмников— этого знания на сегодняшний день мы лишены.